

Мышцы по всему телу Бай Юя невольно напряглись. Перед лицом Альфы, который неспешно приближался — как лев перед прыжком на добычу, — он отступил на шаг назад, возвращаясь в ванную. Его влажная от пота, дрожащая рука поднялась к двери.

Но прежде чем пальцы коснулись створки, перед глазами внезапно потемнело. Высокая, прямая фигура Альфы, словно гора, преградила выход. Он склонил голову, глядя на него сверху вниз. В тёмных, глубоких глазах горело безымянное, мрачное пламя, и этот взгляд впился в него безжалостно.

— Брат... ты разве не заметил? Твои феромоны... их уже столько, что ими пропитался весь воздух.

Последние слова прозвучали с лёгкой, двусмысленной усмешкой.

Ресницы Бай Юя дрогнули. С каждым шагом Альфы ближе его тело всё сильнее охватывала непрекращающаяся, изматывающая слабость — словно сами кости плавилась изнутри. Железа пульсировала, феромоны толкали его вперёд, отчаянно требуя — броситься в объятия стоящего перед ним человека, позволить ему безжалостно любить себя, насытить желания, которые он подавлял годами, оставляя их томиться в пустоте.

Его и без того затуманенное сознание окончательно расплывалось. Обычно бледные губы дрожали, едва заметно приоткрываясь.

И когда рука Фу Юя приблизилась, Бай Юй внезапно уловил в знакомом запахе Альфы слабую, но отчётливую примесь — сладкий аромат чужого Омеги.

Во время течки Омега испытывает не менее страшную жажду обладания, чем Альфа. Стоило Бай Юю уловить чужой запах, как его желудок скрутило от физиологического отвращения. Это мгновенно вернуло ему ясность.

Он резко оттолкнул Фу Юя, который уже тянулся, чтобы схватить его за подбородок и поцеловать.

Фу Юй заметил, как на лице Бай Юя мелькнуло трудно скрываемое отвращение, и в его сердце мгновенно похолодело. Он прищурился, слова, полные раздражения, уже готовы были сорваться с губ, как вдруг услышал хриплый, прерывистый голос:

— Воняет... держись от меня подальше.

Фу Юй замер на мгновение. И только тогда понял — Бай Юй не испытывает к нему отвращения. Он испытывает отвращение к запаху, прилипшему к нему.

Он опустил голову, принялся к своему рукаву и с невинной, почти смеющейся интонацией сказал:

— Когда десяток Омег одновременно входят в течку, даже если я ни к одному не прикоснусь, запах всё равно пристанет.

Он сделал паузу, и в его голосе без всякой причины зазвучало ещё большее удовлетворение.

— Интересно, кому стоит сказать спасибо за то, что их всех так взбудоражили? А теперь ты жалуешься, что я пахну плохо.

Бай Юй зажал нос рукой и молча уставился на него. Но из-за течки его глаза были влажными и покрасневшими — в них не осталось прежней холодной жестокости. Напротив, этот взгляд был таким уязвимым, что от него хотелось потерять рассудок.

Ни один Альфа не способен устоять, когда его Омега смотрит на него так.

Даже самый бессердечный.

Кадык Фу Юя дрогнул. Он тихо рассмеялся.

— Брат... это ты сейчас... капризничаешь?

Он был совсем не таким, как раньше — тем незаметным, безжизненным человеком, которого легко было не заметить. Теперь он был живым. Настоящим. Даже когда сердился, даже когда холодно смотрел — это всё равно выглядело как каприз.

И это было... чертовски мило.

Осознав это, Фу Юй провёл языком по уголку губ. Его взгляд остановился на мягких, влажных губах, выглядывающих между пальцами Бай Юя. Горло пересохло от желания. Он хотел наклониться ближе, коснуться их, попробовать на вкус.

Но Бай Юй снова отступил на шаг, и его отвращение было более чем очевидным.

Его голос дрожал, пропитанный желанием:

— ...Убирайся.

Фу Юй никогда не отличался терпением. Особенно после того, как вырвался из-под контроля старого советника Бай. Он привык действовать прямо и быстро, не тратя время впустую.

Но к Бай Юю у него было странно много терпения.

Даже слишком много.

Он смотрел на него, как волк на свою добычу — прямо, откровенно, без тени притворства. И всё же его тело подчинилось. Он поднял руки, словно сдаваясь, и с беспомощной улыбкой сказал:

— Я просто приму душ. Смою этот запах.

Бай Юй плотно сжал губы. Его мысли словно поджаривали на огне. Он не согласился. Но и не отказал.

Будто молчаливо позволил.

Он отвернулся и шагнул в сторону, выходя из ванной и освобождая пространство для Фу Юя.

Но в тот миг, когда он переступил порог, его запястье внезапно оказалось в крепкой хватке.

— Твои феромоны так густы, что воздух вот-вот начнёт капать, — Фу Юй наклонился к его уху, голос его звенел насмешливой мягкостью. — Выдержишь? Может, мне сначала укусить тебя — поставить временную метку?

Бай Юй с ледяным лицом стряхнул его руку. Всё его тело плавилось в жаре, кости словно становились ватными, силы почти не осталось. Толчок вышел слабым — но Альфа, уловив его намерение, всё же отпустил.

— Ладно, — Фу Юй пожал плечами. — Тогда... послушно подожди меня на кровати. Я быстро.

Он нарочито выделил слово «послушно», но в голове Бай Юя стоял жаркий туман, и он этого не уловил. Закрыв глаза, он холодно бросил:

— Помойся как следует.

Всего несколько простых слов — и маска беспечной лёгкости едва не рассыпалась на лице Фу Юя.

Его кадык резко дёрнулся. В одно мгновение ему захотелось схватить Бай Юя и швырнуть на постель.

Дверь ванной закрылась. Раздался шум воды.

Бай Юй прислонился к холодной стене и тяжело выдохнул раскалённый воздух. Он прикрыл лоб ладонью, прикусил кончик языка — металлический вкус крови и острая боль помогли на мгновение прояснить плывущее сознание.

Сейчас... бежать.

Собрав остатки сил, он рванулся к двери.

Но под воздействием течки даже несколько шагов казались бездонной пропастью. Уже через пару движений всё тело вновь покрылось потом, колени подогнулись — он едва не рухнул на пол.

В ушах стоял гул. Он даже не заметил, что шум воды в ванной давно стих.

С трудом добравшись до двери, Бай Юй схватился за ручку.

И в тот самый миг, когда пальцы попытались повернуть её, он услышал за спиной ледяной голос Альфы:

— Куда ты собрался... в таком состоянии?

Его рука, бессильно лежащая на ручке, оказалась накрыта другой — широкой, сильной.

В голосе Фу Юя уже не было ни тени прежней насмешки — только глухая ярость. Он смотрел на лицо перед собой — прекрасное, с покрасневшими уголками глаз, влажное, будто покрытое тонкой росой.

И слова его прозвучали особенно жестоко:

— Ты хоть представляешь, сколько снаружи Альф? Эти отбросы теряют контроль от одного запаха Омеги. Омега в течке, который сам бежит в стаю волков... Ты хочешь, чтобы от тебя не

осталось даже костей?

<http://bllate.org/book/14965/1443842>